

О. А. Жукова¹ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
И ПРОБЛЕМА ПРОИЗВОДСТВА СМЫСЛОВ

Наблюдая и интерпретируя современность, можно зафиксировать, что масштаб разнонаправленных социальных процессов ведет к значительным культурным трансформациям, одним из знаковых выражений которых стал распад привычных картин мира. Именно распадающиеся структуры ментальности, укорененные в определенных культурно-религиозных традициях, и их новые версии «сборки» становятся предметом осмысления философов и культурологов, продолжающих традицию познающего разума — традицию философской рефлексии над основами человеческого бытия. Современному философу и теоретику культуры приходится все свои построения удерживать в историческом горизонте прошлого, настоящего и будущего, тем самым помещая их в проблемное поле исторической культурологии. Подобные исследования требуют концептуальных вводов, новых образов понимания, языков их репрезентации, и в описании реалий современной культуры следует ожидать приращение философско-культурологического тезауруса. Возникающие на наших глазах новые реальности, впрочем, как и видоизменяющиеся культурные традиции, закрепляются в виде образов-метафор, а затем обретают статус понятия, входя в научный дискурс.

В этой ситуации, на наш взгляд, перед представителями гуманитарной науки, составляющей ядро интеллектуальной культуры России, стоят как минимум две серьезные проблемы. Во-первых, проблема дискурса — научного языка, отвечающего задаче понимания современной культуры; во-вторых, проблема актуализации смыслов и концептов, способных запустить механизм саморазвития российского общества и продуктивного индивида — творческой личности, соответствующей креативной парадигме информационной культуры. Выступает ли российское научное сообщество транслятором гуманистических идей, удается ли ему выполнять свою главную культурную функцию — производства знаний и производства смысла, без чего существование любого сообщества, тем более имеющего многовековую культурную историю, просто невозможно? Следует учитывать социальную и культуротворческую «связку» между «производством смысла» и «производством знаний», когда философские модели понимания становятся базовыми целе-ценностными моделями социально-культурной деятельности человека и транслируются через важнейшие социальные институты, такие как институт образования и воспитания.

¹ Профессор кафедры культурологии Московского педагогического государственного университета, доктор философских наук. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Курс лекций по философии и истории русской культуры», «Свобода и вера. Христианский либерализм в российской политической культуре» (в соавт.), «Лекции по истории русской культуры», «Метафизика творчества. Искусство и религия в истории культуры России», «Русская культура: онтология Слова и Образа», «Актуальность традиции: Художественное творчество в истории русской культуры» и др.

Здесь возникает еще один вопрос, чрезвычайно острый именно для России с ее специфическим переплетением духовной, художественно-философской и социально-политической традиций, оформивших государственность и культуру. Какая интеллектуальная традиция может обеспечить преемственность социально-культурного опыта, «бродильным элементом» которого всегда выступали метафизические смыслы, объясняющие взаимоотношения человека с миром в горизонте трансцендентных представлений? В связи с этим актуальным в философском и культурологическом плане становится вопрос о проявлениях метафизического мышления в современной культуре, о наличии или отсутствии в ней метафизических программ. Он касается и проблемы трансформации культурных и политических традиций, содержащих религиозные представления о жизни человека и общества.

Метафизическая линия развития русской культуры, определяемая синтезом религиозного, социально-политического и художественного опыта, все еще недостаточно артикулирована в российской гуманитаристике. Для интеллектуального сообщества более существенна исследовательская перспектива, которая возникает для данной темы, долго находившейся на периферии научных интересов и образовательной практики, прежде всего в советской России. Приходится принимать во внимание тот факт, что идеологическая блокада русской социально-политической и религиозно-философской мысли в течение длительного времени осложнила освоение богатейшего наследия интеллектуальной культуры. Разрывы собственной традиции на уровне высоких форм философской рефлексии преодолеваются достаточно сложно. Во многом восстановление недостающего звена — значительного пласта культурной памяти исторической России — *напрямую связано с освоением корпуса текстов и интеллектуальной биографии русских мыслителей*. Настоящее задание особенно актуально в связи с активным обсуждением проблем общественного устройства страны, со сложившимся отношением к ее историческому и духовному наследию и соответственно с определением содержания школьного и вузовского образования.

Трагические обстоятельства российской истории XX века — неизбежный фон при формировании современного отечественного научного дискурса, в который активно включается проблематика русской социальной и религиозно-философской мысли рубежа XIX — первой трети XX века. Русские интеллектуалы — ученые, мыслители, общественные деятели, писатели и композиторы — смогли на очень высоком уровне выполнить задачу по осмыслению многообразных социально-политических, духовно-нравственных и художественно-эстетических сюжетов отечественной истории и культуры. Оказавшись на цивилизационном разломе старого и нового миропорядка, в идейно-концептуальном плане русская культура достигла

своего рода «акме». Характеризуя интеллектуальный климат советского периода, необходимо ввести термин «духовно-культурная изоляция» и говорить об идеологической подмене критических структур философского мышления социальной мифологией в большевистской версии марксизма, даже более в политической практике его применения, чем в теории. Однако сложно организованные культуры, к которым, безусловно, относятся историческая Россия, не могут быть свернуты и редуцированы до простой и непротиворечивой социальной модели даже самыми радикальными методами прямого уничтожения носителей высоких духовно-интеллектуальных и художественных традиций. Внутри этой культуры остаются «каналы» трансляции смыслов, идеалов и ценностей, остаются и вертикальные метафизические связи с иным, вечностью.

Суть национальной трагедии состоит в том, что Россия потеряла свою интеллектуальную и духовно-творческую элиту. Большевизм сделал ставку на массовое образование, соответствующее индустриальной стадии развития общества. Стране Советов удалось вырастить новую научно-техническую интеллигенцию, но при этом она потеряла старую — лучших представителей образованного класса России. Граница пролегла по оси истории до и после русской революции и по оси пространственной локализации культуры — внутри и за пределами Родины. В то же время русская культура периода «рассеяния» никогда не прекращала своего существования. Она предпринимала действия по самосохранению и интеллектуально-творческому развитию. Примером являются опыты институционализации философско-богословского образования в Западной Европе и Америке; научно-образовательная и общественная деятельность выдающихся русских мыслителей: Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, И. А. Ильина, П. Б. Струве, Ф. А. Степуна, Г. П. Федотова; творчество С. В. Рахманинова, И. Ф. Стравинского, И. А. Бунина, Б. К. Зайцева и т. д.

Продемонстрированная способность удерживать и транслировать духовные смыслы в отрыве от материнской культуры говорит о коллективном труде по сохранению аутентичной интеллектуальной среды. Над исторической драмой возвышается опыт русских мыслителей и художников. Поражает сила духа, с которой они преодолевают глубоко личностную трагедию разрыва с Родиной, масштабом своего дарования и интеллектуальным трудом противостоят жесткой логике исторических событий. Художественная и научно-гуманитарная элита дореволюционной России — этот «интеллигентский» плод русской культуры — оказалась важным и абсолютно необходимым звеном в линии исторической преемственности XX века. Совместно с «малым стадом» творчески мыслящих людей, принадлежащих к научно-академической и артистической среде советской России, представителям России за рубежом удалось сохранить национальный «генетический» код культуры. В их опыте преодоления национальной трагедии значимым оказался идеал русской культуры — творческого совершенствования личности перед лицом Вечности и истории.

Можно привести немало ярких примеров и доказательств активной интеллектуальной работы по со-

хранению и развитию отечественной культуры. Так, Петр Бернгардович Струве стал одним из идейных лидеров русской эмиграции, что подтверждено фактом его председательствования на знаменитом Съезде русской эмиграции в 1926 году, его деятельностью политика, публициста и ученого, признанного мировым обществом. Иван Александрович Ильин до последних дней работал над проектом возрождения России через построение творческой демократии на основе христианизации всех сфер жизни. Творчество выдающегося интеллектуала и публициста Георгия Петровича Федотова также с полным основанием можно назвать монотематичным, посвященным проблеме «русской жизни», культурного феномена России, ее цивилизационной идентичности. В России же люди уходящей интеллектуальной формации, к которой принадлежали П. Б. Струве, И. А. Ильин, Г. П. Федотов, А. Ф. Лосев и Д. С. Лихачев, становились политическими узниками режима. По выходу из лагеря Лосев ведет жизнь, по его словам, «жалкого учителишки»; в отсутствие полноценной духовно-интеллектуальной среды, академических свобод и свободы совести он отстаивает право личности исповедовать философскую и религиозную истину. Лихачев поднимается по академической лестнице, претерпевая прессинг официоза, добивается мирового научного признания и возвышает свой голос в защиту подлинных ценностей культуры.

Показательно, что наследнику русской философской школы Лосеву не находится места на кафедре университета, и он преподает в Московском педагогическом институте. Лихачев на долгое время как бы уходит в академический «затвор» — скрывается от власти под покровом научных штудий текстов русской литературы. Вынужденный поворот Лосева от свободной философии к истории эстетики по причине политического и идеологического отсечения свободы, являющейся своего рода выражением личностного достоинства человека «профессорской» культуры, вполне понятен из перипетий его жизни. Понятен и вытекающий из данных обстоятельств маргинальный статус философа, усиленный тайным постригом. Напротив, казалось бы, признание научных заслуг Лихачева растет, но око режима не дремлет, и при нападении «неизвестного» его в буквальном смысле спасает от смерти рукопись «Слова о полку Игореве». При всем драматизме обстоятельств жизни выдающихся представителей русской интеллектуальной традиции для нас важно именно то, что в контексте советской истории преемственность все же осуществляется. И в форме особой *субкультуры личности* духовно-интеллектуальное ядро русской традиции передается через духовный опыт учителя и через культуру разума, которая заключается в особом способе философской рефлексии и методологии гуманитарного знания.

Примеры Лосева и Лихачева говорят о том, что другого авторитета, кроме личности учителя и ученого, хранителя знаний и смыслов, процесс вхождения человека в мир культуры, его «очеловечивания» история не знает. Какой бы технологической оснащенности ни достигли культура и система образования, на уровне целей и ценностей личности, включающих, безусловно,

получение профессиональных умений и на их основе профессионально-творческих достижений, общество и школа будут нуждаться в учителе и ученом, обладающих духовным опытом и культурой разума. В подобном типе отношений между учителем и учеником получаемое и добываемое знание непосредственно возникает как личностный смысл, как духовно-интеллектуальная рефлексия личности, осознающей диалектическую взаимосвязь между творческой свободой и моральной ответственностью.

Подобно тому, как Ученик нуждается в наставничестве Учителя, общество нуждается в скрепляющих его смысложизненных установках. Интеллектуальное общество призвано продуцировать смыслы, артикулировать идеи, защищать фундаментальные ценности познания, свободы, духа, творчества, выступая важнейшим звеном в преемственности социально-культурного опыта. Для России справедливо говорить о доминировании духовно-ориентированных целей и ценностей жизни, предполагающих стратегию совершенствования личности и общества в присутствии трансцендентного идеала. Специально заметим, что культурная история России с ее смысловой взаимообусловленностью религии, политики и культуры оказывается очень трудным заданием для современных представителей гуманитарной науки.

Можно говорить, что философская рефлексия над историческим опытом России сегодня остается одной из центральных задач отечественной культурологии. Здесь возникает ключевая для философско-культурологического знания проблема, связанная с взаимодействием двух типов отношения к миру культуры — как к рукотворной деятельности человека и как к религиозной традиции, освященной авторитетом предания и огражденной догматикой. Если сегодня эта тема не станет предметом активного обсуждения в научном сообществе, то культурно-политическая жизнь постсоветского общества в сложном процессе строительства новой российской нации может оказаться в тупике неразрешимых противоречий. Как представляется, путь познания исторического опыта связан с процедурой философской экспертизы, которая представляет собой своего рода пространство «срединной культуры». Эта интеллектуальная субкультура возникает как медиация — поиск смысла и решения за рамками сложившихся ментальных стереотипов культуры посред-

ством преодоления их ограниченности. Медиация противостоит инверсии — быстрому логическому движению индивидуального и общественного сознания, привычно ищущему смысл событий в ранее сложившихся моделях понимания, как правило, в рамках дуальной оппозиции, характерной для мифологического, некритического, неисторического мышления.

В контексте обсуждения поставленной проблемы возникает образ *медиатора — опосредствующей интеллектуальной культуры*, способной преодолевать инверсионные исторические ритмы российской культурной и социально-политической истории. Речь может идти о новой стратегии развития России на основе глубокого изучения и понимания ее исторического опыта. В рамках данной задачи философская критика культурно-политической истории России есть необходимое условие консолидированной научной, общественной и государственной работы, позволяющей предотвратить трагически повторяющееся столкновение консервирующего и архаизирующего традиционализма и творческого, продуктивного культурного развития личности и общества.

Наши рассуждения могут быть сведены к двум тезисам:

1) сохранение целостности России требует новой интерпретации ее культурной и социально-политической истории, что позволит обеспечить воспроизводство общества, культуры, государства за рамками архетипа консервации и мифологизации культурной традиции;

2) главной интеллектуальной задачей становится такой тип философской рефлексии, который обеспечивает процедуру критического переосмысления и творческого освоения культурной традиции, выполняет функцию медиатора в согласовании и опосредовании духовно-культурных и социально-политических практик в современной истории России.

Только в этом случае для России открываются исторические перспективы в современности, которые не станут очередным сломом ее традиции, а, наоборот, позволят на новом этапе решить актуальные геополитические и внутривнутриполитические задачи на основе принципов культурного универсализма, создавшего когда-то большой мир христианской Европы и национально-культурную общность России.